
СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

А.В. Курчатова, Е.В. Осетрова

ОБРАЗ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (на материале политических текстов)

Понятие *власти* с очевидностью попадает в концептуальное поле языка, поскольку любая наивная* национальная картина мира без него будет неполной. Незаполненной в этом случае оказывается сфера социального «верха», особо выделенная и отграниченная от сферы «низа». Такой взгляд на мир мотивирован изначальной иерархичностью общества в целом, с одной стороны, а с другой – определением «верха» как места обитания некоего недостижимого, запредельного божества.

Актуальность исследуемого концепта в смысле частотности использования соответствующей лексики подтверждают тексты средств массовой информации (СМИ). Диктует это современный интерес к политической жизни общества, с которой неразрывно связаны властные отношения.

Свобода печатного слова, предназначенного для широкого читателя и слушателя, полученная российскими СМИ около двух десятилетий назад, имела следствием более разнообразное применение языковых средств, в том числе метафорических. Используемые сегодня сочетания с лексемой *власть* вряд ли можно встретить в печати советского периода: *Вот оно, государство: холостяцкая квартира, сюртуки, мундиры, пиджаки, власти предержавшие, власть имущие, ветви власти, элита властных структур* (АиФ. 1999. № 9). Среди них выделяются метафоры, приобретающие статус устойчивых оборотов: *эшелоны власти, коридоры власти, заложники власти, приход во власть* и т. д.

Еще одно доказательство актуализации концепта – риторическая фигура умолчания, форму которой может принимать *власть*: *Высшие эшелоны...; Краткий миг торжества закончился изгнанием из кремлевских коридоров...* (Новое время. 2000. 30 апр.).

* «Свойственный языку способ концептуализации действительности <...> «наивен» в том смысле, что во многих существенных деталях отличается от научной картины мира» [Апресян, 1995. С. 350–351].

Общественное мышление, базирующееся на научном подходе, предполагает разделение государственных властей на законодательную, исполнительную и судебную*, что непринципиально для создания наивно-языкового образа власти. Например, судебная составляющая из него практически исключена. И наоборот, представления о четвертой власти – СМИ – существенно дополняют этот фрагмент языковой картины мира (ЯКМ).

Бытование концепта не стеснено рамками исключительно политического дискурса, связано с принципиальной иерархичностью общества и многозначностью семантики владения. Тем не менее, в центре нашего конкретного внимания оказываются тексты именно политической тематики**.

По мысли В.А. Успенского, невещественное существительное часто осмысляется в качестве вещественного и для него создается некий предметный образ: «Отвлеченное существительное может иметь такую лексическую сочетаемость, как если бы оно обозначало некоторый материальный предмет» [Успенский, 1979. С. 142]. Реконструируем образ исследуемого концепта через семантический анализ сочетаемости лексемы *власть****.

Результаты проведенных исследований говорят, что *власть* – это комплексное понятие, помещаемое языком в пространство ментального «верха». *Власть* обнаружена во всех четырех семантических сферах языковой картины мира – физической, психической, интеллектуальной, социальной**** – и в каждой «эксплуатирует» различные образы-метафоры.

В ф и з и ч е с к о й сфере у *власти* явственно «вырисовывается» тело, аналогичное по многим признакам **человеческому**: *подскажем власти, где надо нарастить мускулы, а где извилины* (источники материала приведены в конце текста). *Наращивание мускулатуры* особо значимо, поскольку сам первый российский президент, Б. Ельцин, не

* Наивное языковое сознание представляет это в образе «ветвей».

** В лексике политической сферы ядерное содержание анализируемого концепта представлено лексемой *власть*.

*** Такого типа анализ различных концептов языковой картины мира представлен в серии сборников «Логический анализ языка» [Логический анализ языка, 1988; 1991–1995; 1997; 2000а; 2000б].

**** Построение здесь языкового образа власти опирается на дифференциацию сфер, предложенную Т.В. Шмелевой. Принадлежность же пропозиции сфере определяется, как правило, значением предиката [Шмелева, 1994].

гнушался проделывать это в отношении к *нескольким властным группировкам*. Таким образом, *власть* в языке представлена как достаточно крепкий **субъект**, обладающий недюжинной силой, который время от времени *мочит КПРФ*.

Телесная метафора вообще оказывается развитой в анализируемых текстах.

Власть имеет лицо, достоверно, что *неженское*, а значит, и голову, наличие которой подтверждает типичное словосочетание *головная боль власти*. Можно предположить, что у нее есть ноги (*стоит на пороге; идет по намеченному пути*), руки, которые не брезгуют грязной работой (*московские взрывы могут быть делом рук власти*) и наделены большим умением и ловкостью: *власть наводит ими порядок, всячески обустроивает свою жизнь, не только убирает лишних людей со сцены, но и лепит своих депутатов; латает дыры в бюджете, а временами скребет по дну своего пропагандистского арсенала, извлекая последних кумиров культуры*. Вследствие такой завидной работоспособности и анатомического строения данный субъект иногда позволяет себе отдохнуть, правда, лишь в определенном пространстве – *настоящая власть лежит в сфере экономики*.

Кроме перечисленных выше способностей к действию, движению и покою, у нее развиты и органы восприятия. На первом месте стоит зрительное: *в олигархах она видит свою опору*, но при этом *никогда не рассматривает человека всерьез*; на втором – слуховое: хотя при желании *власть можно заставить слышать и слушать*, чаще она остается *глуха к стенаниям народа*.

Язык не ограничивается описанием «внешнего вида» рассматриваемого субъекта, но детально анализирует его скрытое устройство, в частности, различные внутренние *органы*, которые иначе называет *аппаратом*. Этот *аппарат, то расширяющийся, то сокращающийся*, в свою очередь иногда приобретает свойства агенса и *пользуется политическим ресурсом президента, как тяжелобольной искусственной почкой*. Более того, *власть* – существо кровососущее, поэтому ей нельзя *доверять и подпускать близко к себе*. Иногда она проявляет свои вампирические свойства и, *кровожадная, попивает человеческую кровь, упиваясь своими безграничными возможностями*.

Как видно, физическая жизнь власти доказывает наличие у нее целого ряда *инстинктов*. Однако, повторимся, с языковой точки зрения, это, скорее, человек, а не животное.

У власти своя история болезни. Несмотря на природную физическую крепость, отмеченную выше, она бывает серьезно больна.

Улучив момент, можно играть на ее бессилии. Время от времени с ней случается паралич, а помимо этого – синдром терроризма, который проникает в коридоры власти, а также в музеи, магазины, парфюмерные салоны, рестораны. Тяжелые заболевания не мешают власти играть с народом, вероятно, потому, что президентская власть Бориса Ельцина парализовала решение любых серьезных проблем. К сожалению, она идет в своем развитии путем инволюции – деградировала сегодня до такой степени, что можно всерьез обсуждать вопрос: как и почему это случилось?

Реконструированный выше образ физического существа уточняют две детали. Нельзя не обратить внимание на то, что у него имеется ноша: *демократическая ответственность на всех уровнях, причем перед всеми гражданами. Вследствие этого в одежде ценностно выделенным оказывается карман: наша власть заботится только о своем кармане да о благополучии новых буржуев.*

В роли **объекта** власть чаще осмысливается языком как неодушевленный **предмет** и имеет ряд характерных признаков.

Власть в России формируется на основе спайки монополий и авторитарно-олигархической верхушки, таким образом, она предмет твердый, скорее металл, который используют в различных соединениях, организуя совершенно новую сущность – олигархию – связь денег, власти и СМИ.

С одной стороны, *власть устойчива (открытой демократической оппозиции так и не удалось выработать эффективный механизм давления на власть), с другой – поддается деформации (поголовная выборность расшатала власть, поэтому ее можно ослабить или укрепить).* Лучше осуществлять последнее, ведь навести порядок можно только инструментом жесткой и твердой власти.

При всей своей тяжести описываемый предмет имеет небольшие размеры: *взяв, его можно делить на части либо, сохраняя целостность, передавать из рук в руки. Если власть сосредоточена в одних руках наряду с деньгами и прессой, она неизменно становится коррумпированной. А если ее захватить в центре (следует ловить ее именно там), тогда распоряжаться можно не 50 % бюджета, а всеми деньгами страны. Для того чтобы удержать данный предмет в руках, надо, чтобы они были достаточно крепкими: известно, как был создан блок «Отечество – Вся Россия», партия коррумпированного губернаторского начальства, решившего вырвать власть и собственность из одряхлевших рук начальства центрального. Можно было бы не отбирать власть, а просто ею поделиться, но делать это мало*

кто хочет, по крайней мере, *властные элиты*, которые *точно не желают делиться властью с провинциальным Красноярском*.

Использованные контексты дают возможность увидеть в реконструируемом «предмете» ясные очертания *самого мощного оружия*, которым желают обладать многие, если не все.

Другой устойчивый набор коннотаций *власти-объекта* – **природный**. Не исключено, что она – дерево или кустарник и имеет *ветви*, которые *должны конструктивно работать во всех субъектах Федерации*. При этом в ЯКМ довольно часты сравнения *власти с жидкостью*: происходит *перетекание реальной власти с федерального уровня на региональный*. Помимо уровней, она *растекается по этажам*: когда *выдохлась перестройка и ослабел союзный центр*, *власть начала «протекать» на нижние этажи – союзные и автономные республики*. Сравнение с текучей преобразующейся средой лежит в основе многих высказываний-метафор типа: *власть и государство сливаются в одно лицо, нами же избранное, это лицо именуется властью-государство*.

Если же расширять метафору жидкости в направлении ее более общего смысла – съедобности, то нужно признать за данной субстанцией качества *горько-сладкого наркотика*: один из чиновников признался, что *наелся ее в свое время до рвоты*. *Отравление* в ряде случаев происходит и вирусным путем: *ее можно заразиться – она передается через поцелуй*.

Наконец, следует обсудить еще один образ *власти* – **пространственный**. Для многих он конкретизируется в формах страшного, всепоглощающего механизма, в частности, Г. Явлинскому напоминает мясорубку: *туда вошел Немцов, вышел фарш. Вошел Лебедь – хрустнуло, крякнуло, и вышел фарш. Кто туда только ни входит, выходит фаршем*. Другим напоминает желудочно-кишечный тракт: *входит туда нормальный человек, а выходит, извините, дерьмо*.

Данное пространство может быть описано и более нейтрально, как некое здание. У здания есть *вершина*, где концентрируется все самое примечательное и элитарное, и несколько уровней, расположенных ниже: *Такая работа идет, что называется, по вертикали – от личного хозяйства до самых вершин власти*. Помимо вершины наличествуют *коридоры, лабиринты, кулуары, кабинеты, сцена, трибуна, пирамиды* – словом, *власть в русском языковом сознании во многом копирует Кремль*. К двери этого здания следует сначала *подобрать ключ*, а потом уже *входить внутрь*. Желание войти есть почти у каждого, даже у *небедных людей*, и оно настолько велико, что те, кто

ключа не имеют, *пищат, но лезут во власть*. Значит, *не всех к власти допускают*: вход в ее здание труднодоступен. Бывают и исключения, например, Ирина Хакамада уверяет, что ей удалось туда *влететь*.

В **с о ц и а л ь н о й** сфере *власть* не так отталкивает и пугает, как в физической, однако устойчивая отрицательная оценочность и здесь сопровождает данный концепт.

Власть квалифицируется как **граждански зрелый субъект** – за нее можно *выйти замуж*, а значит, *власть – это мужчина*^{*}.

Центральная власть породила своих отпрысков – *региональные власти*; их много, они меньше и слабее своего родителя и очень похожи на него. *Власть смотрит на них свысока, посылает им команды*, а иногда и вовсе *не учитывает их мнения и пренебрегает ими*. Но без *дееспособного местного самоуправления* эффективное властное устройство в целом невозможно. Кроме того, она не одинока: свои функции ей помогают выполнять *третья, четвертая и пятая власти*.

У субъекта *власти* сложились разнообразные отношения с **законодательством**. Он имеет *рейтинг и избираемость*, а отсюда *обязательства перед народом*, должен заниматься *государственными делами*, обязан *подчиняться своим избирателям*. Каждое действие *власти*, каждый закон должны *просматриваться через призму: доверие возвращают они гражданам или нет*. Властные лица активно *восстанавливают доверие между властью и людьми*. Однако *обязательств своих* этот субъект не выполняет, он не законопослушен: *ложь является методом властвования, беззаконие – государственной политикой; у власти невежды, «воры в законе», а воровство во власти тотально*. Подробно развивается тема преступления: *в 1994 году началась серия широко известных политических убийств, и оказалось, что власть и олигархия лишь использовали их в своих корпоративных интересах*. Отношения с законом традиционно выясняются в суде; *судный день для власти – это выборы*.

Если же коллективный автор становится на **этические** позиции и речь заходит о моральных свойствах *власти*, она называется *непристойной, развращенной, поражает порой торжеством политической проституции*. Одна из наиболее известных проституток – *Анатолий Чубайс*, который своей профессией известен даже американской газете «*Нью-Йорк-Таймс*». *Власть меркантильна: она обласки-*

^{*} Несмотря на грамматический женский род соответствующего существительного.

вает олигарха, который в ответ платит ей. Российские олигархи (изобретение целую систему совращения власти) теперь вздыхают, что честная власть дешевле, а то если Березовский даст миллиард, то он не будет уверен, что Гусинский или кто-нибудь еще не дадут полтора. Это заставляет проявлять ответную щедрость: власть дает некий доступ к ресурсам и бесплатным возможностям.

Наделав грязных дел, власть проявляет желание использовать СМИ, чтобы они защитили ее от народа, потому что на политическое убежище не рассчитывает.

Наконец, если посмотреть на данный языковой образ с точки зрения социальной дееспособности, в нем опять проступают отрицательные черты. Во-первых, несамостоятельность: ей нужны какие-то советчики, но нет механизма их отбора. Во-вторых, конфликтность: она находит оппонентов в лице людей, ее не имеющих, но на нее претендующих, и сражается с ними методами сложными и изощренными.

Итак, в социальной сфере ЯКМ власть-субъект описана полноправным, однако далеко не идеальным членом социума, который регулярно вступает с другими его субъектами практически во все содержательно возможные отношения.

Объект *власти* представляет большую общественную ценность: *все хотят денег и власти, власти, власти.* За их приобретение жестоко борются, не гнушаясь никакими средствами: *казачье убийство стало новым стандартным средством борьбы за власть и влияние.* Имея высокий спрос, данный «товар» является чрезвычайно рентабельным, предметом купли-продажи: *Путин пошел на очень серьезный риск, тем самым повышая спрос на власть на политическом рынке.* Солидарные с президентом олигархи публично заявляют, что *самый лучший бизнес – это власть.*

В психоментальной сфере *власть* *думает, понимает, решает, считает, постановляет, извиняется* и т. п.

Репрезентируясь в форме множественного числа, семантически она обнаруживает себя как **субъект** (субъекты); например: *насмешка властей над трудом учителя; теракты провоцируют власти; народ не будет все прощать властям**.

* Для существительного-гиперонима, которым в данном случае представлен концепт, такая сочетаемость является, скорее, прямой, чем метафорической.

Власть занимается экономической политикой и проявляет определенные интеллектуальные способности. Однако у ее центральной ветви таковые явно ослаблены: судорожные смены премьеров – верный признак полного маразма центральной власти (это помимо паралича и общего бессилия, которые отмечены в физической сфере существования). Поэтому за ней закрепился статус тупой, никчемной, бестолковой. Потому ее никто не уважает. Она сама себя не уважает.

Привычки власти вообще откровенно эгоистичны: она привыкла делать так, чтобы было удобно ей. И получалось всегда неудобно для людей.

Особое внимание обратим на **коммуникативные** способности субъекта. У него есть свои секреты общения, один из них – *универсальный код речей*. Кроме того, власть владеет широким набором речевых жанров: может *испросить совета у журналиста, где ей взять денег*; сама *выходит с предложениями к гражданам*; *говорит с народом*. При желании и проявив настойчивость с ней можно найти *общий язык*, и более того – *покрытиковать*.

Власть общительна – разговаривает с подчиненными, – но чаще на повышенных тонах, подвластные же ей хотят сменить интонацию разговора.

Вероятно, один из самых оптимальных режимов общения при этом – режим диалога или спора. Кроме *народа*, здесь в роли оппонента зарекомендовали себя 1) *ветви власти*, которые никак не могут договориться между собой, и 2) *оппозиционная власть* (в отношении к действующей), *не верящая в значимость Конституции как основного закона*. Такое положение дел явно всех устраивает, поскольку, *если у власти не будет сильной оппозиции, она может остаться в политическом одиночестве*.

Выступая же как **объект**, власть предстает в образе некоего предмета желаемого обладания/вожделения, скорее всего, одушевленного: она *находится в центре событий, вокруг нее кипят страсти, бушуют распри, все жаждут власти*. Властные лица, не смущаясь, заявляют, что *любят власть и хотят власти*. Однако нельзя точно определить, *кому она принадлежит: все время говорили, что для успеха реформаторам не хватало власти. Неправда. Для успеха не хватало мозгов и совести, а не власти*.

Итак, анализируемый образ в психо-ментальной сфере более всего удовлетворяет идее антропоморфности, а по набору приписываемых

ваемых ему свойств и характеристик «отображает» разумный мыслящий и чувствующий субъект.

Существенным для полноты языкового «портрета», помимо вышесказанного, является анализ пространственного расположения концепта в соотношении с другими объектами ЯКМ.

Данный концепт – оппозиционный по сути, и понимание его возможно только при сопоставлении с концептом *народ*. *Власть* оказывается определенной и определяемой *народом*. Она *вертится в руках народа*. Это парадоксально в том смысле, что часто в семантическом устройстве высказывания *народ* выступает в зависимой актантной роли пациента по отношению к *власти*.

Власть – выделенная *народом* его часть, которую он сам себе и противопоставляет. Властный же субъект, напротив, *пытается восстановить доверие между собой и людьми*.

Поле *власти* и поле *народа* одно относительно другого расположены вертикально. Пространство *власти* организовано метафорой «верха». Место расположения *народа* – «низ» (ср.: *верхи* – *низы*). Возможно, «верх» *власти* представляют такие ее составляющие, как президент и правительство, нижняя же граница оказывается неопределенной и, скорее, «уходит корнями» в *народные массы* (в частности, невозможно сочетание *дно власти*).

Стремление к *власти* – это стремление к *верху*: *не скрою, выше поста вице-спикера внутренне не замахивался. Верх* этот очень высоко над землей: *Да, карьерный взлет серьезный, но я человек уравновешенный, кессонной болезнью и головокружением не страдаю*. По мнению многих, самой удачной здесь вообще является «небесная» метафора: *Некоторое время назад на политическом небосклоне замаячила странная фигура Бориса Федорова, бывшего министра финансов*.

Итак, в языковом представлении *власти* в пространстве, определено, отводится сфера верха, а за наречием *наверх* (*наверху*) закрепляется обозначение политической, и уже – властной, сферы, то есть ‘во власть (во власти)’*.

Соотнесение *власти*-«верха» и *народа*-«низа» неслучайно: «верх» и «низ» традиционно противопоставлены на шкале оценочно-

* Так, в толковом словообразовательном словаре Т.Ф. Ефремовой *наверх* имеет в том числе и следующую дефиницию: 1. На верхнюю часть чего-л., по направлению к верхней части чего-л. // перен. разг. В вышестоящую организацию [Ефремова, 2000. С. 918].

сти. Низ характеризуется как бедный, угнетенный, социально не защищенный. Верх – сильнее и позитивнее. Это изначальное разделение мира принадлежит, безусловно, сфере физической, ее пространственным характеристикам. Оппозиция «верх – низ» трактуется как оппозиция земли и неба, Бога и человека, чистоты и грязи, голубизны – черноты, духовного – телесного и является одной из основных семантических оппозиций в славянской картине мира [Славянские древности: Этнолингвистический словарь, 1995. Т. 1. С. 345].

Оценки «верха-низа» представлены не только наивной, так сказать, донаучной философией пространства, но и языком. О.П. Ермакова отмечает, что физическая природа пространства влияет на оценочный компонент в семантической структуре пространственной метафоры. Это репрезентируется в лексике и устойчивых сочетаниях с известной оценочностью: *возвышенный, высокий жест, высший класс, высшее образование; низменный, приземленный, как это низко!, низвергнуть, низкий балл* и мн. др. [Ермакова, 2000. С. 294].

Если «верх» принципиально позитивен, то и *власть наверху* должна оцениваться позитивно. От нее требуется соответствие положительным характеристикам «верха». Однако реальное положение дел таково, что понятие власти даже без контекстного окружения воспринимается большей частью носителей русского языка негативно. Современные же СМИ предлагают такое понимание *власти*, которое формирует у слова либо нейтральную, либо отрицательную оценочность. Она, в свою очередь, задает тональность текста и соотносится с его жанром.

Например, в информативных фрагментах, описывающих действительность, объективное положение дел, выдержанных в официальном стиле, превалирует нейтральное рассмотрение проблемы: *По инициативе вице-спикера Совета Федерации Владимира Платонова, поддержанного тем же Н. Федоровым, решено подготовить запрос в Конституционный Суд о конституционности двух законов из так называемого «регионального пакета» главы государства, принятых с целью укрепления вертикали власти. В первую очередь, речь идет о законе, наделяющем Президента РФ правом отстранять от должности губернаторов. В самом стане сенаторов такое желание поконфликтовать с верховной властью поддержано далеко не всеми* (Российская газета. 2000. 20 окт.). В текстах с явно выраженной авторизацией, экспрессивно анализирующих социально-политическую сферу, очевидно проявляется оценка [Михайлова, 2000. С. 61]. Здесь *власть* часто описывается негативно: *Власть заботится*

только о своем кармане, да о благополучии новых буржуев; Женщины-политики появятся тогда, когда власть перестанет решать проблемы в бане.

Как было заявлено, от *власти* требуется соответствие «верху», и потому любое нарушение его положительного статуса болезненно фиксируется коллективным автором; см. типичные высказывания: *ложь стала методом властвования; невежды у власти; воровство во власти тотально.*

Положительная оценочность сферы верха диктуется его изначальной сакральностью. Языковое мнение о российской власти наверху с этим тезисом не совпадает: *власть* опровергает его своей пейоративностью. Однако общество помнит, какой *власть* «была», и понимает, какой она – наверху – должна быть: *Каждое действие власти, каждый закон должны просматриваться через призму: возвращают они доверие граждан или нет* (Агитационная брошюра, 1999); *Восстановим доверие между властью и людьми!* (Предвыборная листовка, 1999).

Итак, пространственным образом *власти* в ЯКМ является образ здания, имеющего несколько этажей, соединяющихся ступенями*, которое само расположено *наверху, на небе*, и не имеет основания *на земле*. *Власти* «верх» приписывается в ЯКМ, во-первых, по традиции, языковой и ментальной, во-вторых, в соответствии с принципом вертикальной иерархичной организации общества. (*Народ* в той же пространственной системе расположен внизу и составляет *власти* необходимую оппозицию.)

Вместе с тем такое вершинное расположение *власти* не поддерживается положительной оценочностью: *власть* не представляет заведомо положительный «верх». Поэтому можно прогнозировать влияние отрицательных, «низовых», характеристик на семантику этого «верха».

Семантический анализ, предпринятый в данной статье, мы посчитали возможным заключить перечислением соответствующих актантных ролей, что важно для понимания языковой природы концепта.

Власть исполняет в семантической структуре высказывания роли субъектного и объектного типа. Как субъект она чаще всего бывает агенсом (*власть издевается над человеком*), контрагенсом (*власть*

* Подробнее см. об этом выше, в описании физического образа *власти* (пространственная метафора).

против народа), каузатором (власть портит человека) и функцивом (власть бездействует). Власти как объекту принадлежат роли пациента (взять власть), перцептива (я люблю власть), инструмента (олигархи разбогатели с помощью власти) либо результата (власть в России формируется на основе спайки монополий и авторитарно-олигархической верхушки). Как сирконстант данный концепт в ЯКМ используется лишь в функции локатива: люди лезут во власть; он всегда был у власти.

Очевидно, что красочному и «богатому» метафорическому «портрету» власти вполне соответствует широкий спектр реализуемых ею актантных функций.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю.Д. Избранные труды. М., 1995. Т. 1: Лексическая семантика; Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография.

Ермакова О.П. Пространственные метафоры в русском языке // Логический анализ языка: Языки пространств. М., 2000. С. 289–298.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный. М., 2000. Т. 1: А–О.

Логический анализ языка: Знание и мнение: Сб. науч. тр. М., 1988.

Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995.

Логический анализ языка: Культурные концепты: Сб. науч. тр. М., 1991.

Логический анализ языка: Ментальные действия: Сб. науч. тр. М., 1993.

Логический анализ языка: Модели действия: Сб. науч. тр. М., 1992.

Логический анализ языка: Язык и время. М., 1997.

Логический анализ языка: Языки пространств. М., 2000а.

Логический анализ языка: Язык речевых действий. М., 1994.

Логический анализ языка: Языки этики. М., 2000б.

Михайлова Т.В. К исследованию механизмов власти через изучение ее дискурсов // Paradigma / Парадигма: Ежеквартальный журнал теоретического и прикладного языкознания, культурологии, страноведения, межкультурной коммуникации / СибГТУ. Красноярск, 2000. С. 61–63.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. М., 1995. Т. 1.: А–Г.

Успенский В.А. О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. М., 1979. Вып. 11. С. 142–148.

Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: Текст лекций. Красноярск, 1994.

ИСТОЧНИКИ

«Аргументы и факты», 1998–2002

«Аргументы и факты на Енисее», 1998–2002

«Известия», 1999–2001

«Коммерсантъ», 2001–2002

«Комок», 1999–2002

«Независимая газета», 2001–2002

«Российская газета», 1999–2000

«Сегодня», 2000

«Труд», 2000